

Пролог

«Учись находить красоту в несовершенстве» — так всегда говорила мне мать. Отец же в ответ на ее слова с усмешкой замечал, что в жизни важнее всего не красота, а достижения.

Теперь, когда я понимаю, насколько по-разному они смотрели на мир, тот факт, что в конце концов их брак эпически развалился, меня совершенно не удивляет. Однако тогда, будучи лишь несмышленной пятилеткой, я никак не могла ожидать, что когда-нибудь отправлюсь на тренировку по футболу в компании обоих родителей, а вернусь домой только с одним.

Возможно, мне следовало бы возненавидеть этот вид спорта, ведь разрушительная потеря настигла меня как раз тогда, когда я забивала свой первый в жизни гол, совсем не подозревая, что в тот самый момент моя мать мчалась прочь из города.

Но все вышло с точностью до наоборот.

Я безраздельно посвятила себя футболу.

Когда вместо четверых членов в нашей семье осталось лишь трое, моя старшая сестра Хелли предпочла спастись от тоски совершенно естественным образом: с головой ушла в учебу и стала проводить все свободное время, общаясь с подругами и флиртуя с парнями.

Наш отец обрел утешение в саморазрушении: он пил, работал до изнеможения и периодически заводил интрижки с девушками вдвое младше него.

Я же играла в футбол.

Если бы школьные учителя тогда связались с моим отцом, то, скорее всего, рассказали бы ему, что моя нездоровая одержимость футболом вызывает у них серьезное

беспокойство: поля моих тетрадей были изрисованы игровыми схемами, а рюкзак вместо учебников наполняли книги о легендарных спортсменах.

Если бы мои тренеры смогли достучаться до него, то объяснили бы ему, что я наделена не только природным талантом к этому виду спорта, но и такой колоссальной прилежностью, что даже не нуждающийся в отдыхе кролик из рекламы батареек по сравнению со мной мог показаться настоящим ленивцем.

Но ничего этого не произошло. Я лишь пожимала плечами в ответ на замечания учителей и в красках расписывала тренажеры, какие свои навыки хочу усовершенствовать.

Мама любила говорить, что дала мне имя Сейлор, потому что оно звучит дерзко и смело.

Бесстрашно.

Храбро.

После ее ухода на память о ней у меня осталось лишь это воспоминание, и я им очень дорожила.

К чести Хелли, после того как мама (буквально) и папа (фигурально) нас оставили, она изо всех сил старалась заполнить образовавшуюся в моем сердце пустоту. И все же мы так и не стали с ней близки: нас разделяли шестилетняя разница в возрасте и полная противоположность характеров.

Но дело было не только в этом. Я не подпускала к себе никого: ни многочисленных подруг, ни товарищей по команде, ни мальчишек, норовящих украсть у меня поцелуй за трибунами.

Мне этого попросту не хотелось.

До тех пор, пока я не встретила *его*.

Глава первая

Я частенько говорю что-то не подумав.

— Желтый тебе совсем не идет, Энн, — сообщаю я своей соседке по дому, когда она входит в кухню через арку с правой стороны от меня. — Сочетание желтого и красного не должно появляться нигде, кроме хот-дога.

Энн, закатив глаза, достает из холодильника бутылку газировки.

— Не будь такой стервой, Сейлор, — укоризненно произносит Крессида, не поднимая взгляда от шоколадного торта, на который наносит крем. Многозадачность во всей красе.

— Сейлор ничего не может с этим поделать — это ее заводские настройки, — высказывает свое мнение моя лучшая подруга и по совместительству второй капитан нашей команды Эмма, продолжая намешивать отвратительные коктейли по одному только ей известному рецепту.

Я показываю ей средний палец.

— Это всего лишь суровая правда, — возражаю я, устроившись на кухонной столешнице и постукивая босой ногой по фасаду ящика под ней. Мое тело буквально пульсирует от избытка энергии. Я крайне редко пропускаю свою ежедневную пробежку: в последний раз такое случилось три месяца назад, и то лишь потому, что перед самым началом зимних каникул разразился чудовищный снегопад.

Если бы и сегодня причиной тому была всего-навсего непогода... Однако виной всему стал неожиданный звонок

отца, за которым последовала получасовая лекция от моей старшей сестры Хелли. В ней она в мельчайших подробностях расписывала неуместность моей реакции на новость о том, что спустя шестнадцать лет после того, как наша мать, образно говоря, вышла за хлебом, отец решил снова жениться.

Хотя, пожалуй, «лекция» — это не совсем подходящее слово.

Главным посылом Хелли была мысль о том, что, сообщая мне о радостном событии, папа надеялся услышать нечто большее, чем унылое «окей». Тем не менее основную часть нашего разговора она распиналась, как это замечательно, что наш отец наконец-то решил остепениться и встретил подходящую, надежную женщину своего возраста — такую же скучную, как и он сам. Последнее прилагательное — «скучную» — я добавила от себя и, конечно же, только мысленно, крася ногти в ярко-розовый цвет и листая соцсети на ноутбуке. На самом деле я бы даже не стала вести этот разговор, если бы не знала, что Хелли сейчас на восьмом месяце беременности. Помня, что моя сестра вечно за все переживает, я просто не стала спорить, побоявшись стать причиной ее преждевременных родов.

— Не обращай внимания, Энн. У нее просто плохое настроение, и к тому же она пьяна, — советует Крессида. Она отлично умеет сглаживать конфликты, а сейчас ей удастся убить сразу двух зайцев: помимо этого, она еще и разглаживает крем на торте.

Я пожимаю плечами: все-таки они обе правы. Конечно, это вовсе не значит, что *вырвиглазный* желтый топ Энн выглядит хорошо, но для меня это не настолько важно, чтобы продолжать гнуть свою линию. Мне и без того есть о чем подумать — например, о том, капитана какой спортивной команды привести сегодня к себе. Мне удастся сузить

список претендентов до лидеров сборной по лякроссу* и хоккею, как вдруг мои внутренние дебаты прерывает Энн:

— Плохое настроение? А я-то думала, что ты сегодня празднуешь, Сейлор.

Я снова пожимаю плечами: мне совершенно не хочется рассказывать, как именно такое восхитительное утро сменилось для меня полным досады днем. Учítывая, что я единственный игрок женской сборной Ланкастерского университета по футболу, на игру к которому никогда не приходили члены семьи, я уверена, что девчонки из команды догадываются, что мое детство было совсем не таким радужным, как у них. Лучшим следствием поступления в Ланкастер для меня стало то, что постоянное сочувствие окружающих по поводу отсутствия в моей жизни родительской заботы наконец-то поутихло. У меня совершенно нет желания объяснять кому бы то ни было тонкости отношений в своей раздробленной семье — даже лучшим друзьям. Все равно это выльется либо в поток жалостливых взглядов и неловких извинений, либо в сеанс любительской психотерапии, которым меня обычно обеспечивает Хелли.

— Да ведь это не то чтобы какое-то событие. Я с самого начала знала, что пройду, — говорю я, отхлебывая джин.

Это самоуверенное заявление не более чем блеф. Конечно, я верила в свои силы, но все же спортивные сборы «Шоленберг» уникальны во всем мире. Чтобы пройти отбор, мне пришлось соревноваться не только с лучшими игроками из университетов Америки, но и со спортсменами со всего земного шара. Тот факт, что меня пригласят на эти сборы, уж точно нельзя было предугадать. Более того, это была

* *Лакросс*, или *лякросс*, — игра, в которой две команды стремятся поразить ворота соперника резиновым мячом, пользуясь ногами и снарядам, представляющим собой нечто среднее между клюшкой и ракеткой. *Здесь и далее примечания переводчика.*

огромная честь, и Эмма, Крессида и Энн отлично это понимали.

Эмма, усмехнувшись, продолжает разливать виски.

— Кажется, туда приняли только двоих американцев? — уточняет Энн. Она не любит ссориться, к тому же, как и все, кто со мной знаком, подруга понимает, что если уж мне не хочется что-то обсуждать, то вынудить меня не получится. Баста.

— Ага-а, — отвечаю я, слегка протянув последнее «а». — Элли Андерсон тоже прошла отборочные.

— Вот так сюрприз, — отзывается Крессида. — А я-то делала ставки на наших мисс Коутс и Стивенс.

— У Элли хорошие связи, — объясняю я. — Ее дядя — помощник тренера в «Клубберге».

— Ну, тогда все ясно, — заключает Эмма, убирая в холодильник пакет ананасового сока. *Сок с виски? Жуть какая.* — Поверить не могу, что ты будешь играть на их поле.

— Да уж, — соглашаюсь я. Привлекательность приглашения на сборы заключается не только в их уникальности и престижности. Помимо всего этого, участникам также выпадает возможность сыграть на самом знаменитом футбольном поле в мире — стадионе команды «Клубберг».

— У меня в комнате над кроватью висит постер с этим полем, — продолжает восхищаться Эмма.

— А вот и нет, у тебя над кроватью висит постер с Адлером Бэком, — поправляю ее я, прислоняя затылок к верхнему шкафчику кухонного гарнитура и разглядывая трещины на потолке.

— Да, но я специально выбрала его фото *на стадионе*, хотя могла взять другое, с обложки «Сексуальных атлетов», где он без футболки.

— Вот так сила воли.

Энн смеется, а Эмма, закатив глаза, допивает свой коктейль.

— Так, ну вот и всё, — объявляет Крессида, отправляя опустевшую миску и измазанную кремом лопатку в раковину. — Торт готов.

— Интересно, неужели ты и правда думаешь, что он достоин до завтра? — говорю я в потолок.

— Сейлор, клянусь, если ты...

Эмма хохочет:

— Кресс, если хочешь, чтобы он дожил до завтра, тебе нужно его спрятать.

— Все, что мне нужно, — это чтобы Сейлор...

— Эй! — перебиваю ее я. — Уж *я-то* на чужую еду рот не разеваю, ага?

— Да вот только ты с чистым сердцем рассказываешь о ней своим полуночным гостям, — парирует Крессида.

— Это не полуночные гости, это ее любовнички, — подмечает Эмма.

Я игнорирую это замечание:

— Ничего я им не рассказываю. Просто они вечно голодные, и...

— Сладостями она благодарит их за старания, — многозначительно произносит Энн.

— Ага, три оргазма — один кексик, — подхватывает Эмма с заговорщической улыбкой.

Мой взгляд останавливается на трещине в углу под потолком кухни. А нормально ли вообще, что их здесь так много? Мы с подругами сняли этот дом по дешевке на втором курсе: нам так хотелось поскорее убраться из общежития, что для переезда мы выбрали первое попавшееся жилище, даже не поинтересовавшись, что еще может предложить нам университет.

Небольшой коттедж в колониальном стиле отлично подошел под наши запросы: мы проводили здесь время в перерывах между занятиями, тренировками и играми и даже устраивали вечеринки. Вот только никто из нас совершенно не умел управляться с молотком и отверткой, а список ремонтных

дел, к выполнению которых наш арендодатель приступать совсем не торопился, лишь удлинялся. Время от времени в доме все же раздавались хлопки и вздохи от усталости после физической нагрузки, но они не имели с ремонтом ничего общего.

Я отпиваю еще джина и соскальзываю со столешницы, поправляя на ходу свое синее платье, чтобы оно прикрывало бедра. Этот простенький хлопковый наряд скорее подошел бы для летней тусовки в сельском клубе, чем для студенческой вечеринки в Коннектикуте, где весна больше напоминает зиму. Если бы Ланкастер не славился лучшей футбольной программой в стране, я бы выбрала университет поужнее... Теперь же девизом моего гардероба стала фраза *«Одевайся не по той погоде, что стоит за окном, а по той, о которой мечтаешь»*.

— Готова, — объявляю я, перекинув копну своих светлых волос через плечо.

Эмма переливает свою чудовищную смесь виски и апельсинового сока в одну из термокружек, в которых мы обычно берем кофе на утренние тренировки, и тщательно прижимает крышку.

— Я тоже.

— Не забудь потом ее помыть, — наставляю ее я, сморщив нос, когда моего обоняния касается исходящий от кружки запах.

— Это будет первое, чем я займусь, когда мы вернемся, — отвечает Эмма, посылая мне приторную улыбку.

Я закатываю глаза. Всем нам отлично известно, что она совершенно не способна вымыть посуду дочиста, чтобы на той не осталось гадкого послевкусия. Именно поэтому в ее домашние обязанности, большинство из которых мы вчетвером выполняем по очереди, входит постоянный вынос мусора: мытье посуды ей не доверишь.

До дома, где должна состояться сегодняшняя вечеринка, идти совсем недалеко. Я стараюсь не вникать в разделение

на студенческие сообщества и кружки, а просто посещаю те тусовки, которые вызывают у меня интерес, и, как правило, за мной следуют все остальные девчонки из команды. Тот факт, что на момент поступления в университет я была самой востребованной девушкой-футболисткой во всей стране, превратил меня в местную знаменитость, едва я успела ступить на территорию кампуса.

А мои достижения на поле и вне его лишь подлили масла в огонь моей скандальной известности.

Как и победа в ланкастерском, а потом и национальном футбольном чемпионатах.

Подойдя к дому, мы увидели, что собравшиеся уже высыпали во двор: там и тут на траве, пошатываясь и весело хохоча, стояли подвыпившие студенты. Пожалуй, в марте вот так проводить время на улице еще рановато, вот только пьяные редко принимают верные решения. Тем не менее, когда мы заходим внутрь, я тут же понимаю, что мне хочется поскорее оказаться снаружи: абсолютно каждый квадратный сантиметр пола закрывают чьи-то ноги и кучки пустых стаканчиков из-под выпивки, которые гости на ходу пинают из стороны в сторону. В воздухе стоит тяжелый запах пота, смешанный с кислым амбре пролитого пива. Оценив обстановку, Энн вздыхает. Я же широко ухмыляюсь: царящая вокруг атмосфера несдержанности, витающая в воздухе вместе с клубами сладковатого дыма, буквально напитывает меня энергией.

Направляясь к кухне, я игнорирую оклики и призывы, сыплющиеся мне вслед. К мужскому вниманию я привыкла уже давно и примерно тогда же сообразила, как обратить его в свою пользу. Когда дело касается противоположного пола, вовремя запрошенный за ухо локон или многозначительная улыбка могут стать мощным инструментом.

Едва мы с подругами переступаем порог кухни, набитой уже опьяневшими студентами, глаза Джейсона Уильямса загораются оживлением.

— О да, черт возьми! Наконец-то здесь начнется настоящая тусовка!

— Да и *она* уже в надлежащей кондиции, — подхватывает Эмма. — Сколько ты там уже выпила, Скотт? Рюмки четыре?

— Пей-ка свою ананасовую гадость, а за мной считать прекращай, Уоткинс, — огрызаюсь я.

Джейсон вопросительно смотрит на Эмму. Та вздыхает:

— Она сегодня не в настроении.

— Алло, я, вообще-то, все слышу! — возмущаюсь я, прежде чем направиться к кухонной столешнице, где расставлена дешевая выпивка. — А что, джина сегодня нет? Уильямс, я же сказала, что без джина сюда не вернусь! — произношу с досадой, изучая ассортимент.

Джейсон, вздохнув, протягивает руку к бутылке прямо передо мной — это оказывается бутылка джина — и придвигает ее ближе. Пожалуй, это можно считать своеобразным знаком — предупреждением, что пить это не стоит, однако я его успешно игнорирую.

— Мне жаль, Сейлор, — произносит Джейсон. — Я знаю, как сильно ты этого хотела.

Я, фыркнув, наливаю себе в одноразовый стаканчик щедрую порцию джина, а затем, ощутив внезапное желание сделать коктейль, добавляю к нему обнаруженный в холодильнике имбирный эль.

— О чем ты говоришь, Джейсон?

— Ну, о немецких сборах. Сегодня ведь объявили результаты, да?

— Да.

— Ну, все-таки это самая крутая футбольная программа в мире. Даже само участие в отборочных уже огромная честь.

Я снова фыркаю.

— Да что ты такое несешь? Меня приняли. Первое место по стране, — отмахиваюсь я и поднимаю пластиковый стаканчик повыше. — За немцев, черт их побери! — громко кричу я.

Помимо меня, выпивать начали уже многие, так что мой тост встречает горячее одобрение собравшихся. Удовлетворенная их энтузиазмом, я делаю большой глоток своего напитка.

— Подожди, приняли? Но тогда почему... — голос Джейсона постепенно теряется в царящем вокруг шуме. Я нетвердой походкой приближаюсь к Энн, которая стоит в паре метров от него, оставляя парня в компании Эммы и Крессиды. Они, судя по всему, тут же начинают обсуждать перепады в моем настроении.

— На кого засмотрелась? — интересуюсь я, слегка толкнув Энн в плечо, и становлюсь рядом с ней, опершись на столешницу.

Она переводит взгляд на меня, отбросив слабые попытки сделать вид, будто что-то печатает на телефоне, а не наблюдает за командой бейсболистов, устроивших на обеденном столе импровизированную дорожку для боулинга. Увидев, как один из них пытается сбить пустую стеклянную бутылку из-под пива мячиком для пинг-понга, я глупо ухмыляюсь: «Ну-ну, как же, удачи, дружище».

Энн засовывает телефон в задний карман своих узких джинсов.

— Ни на кого.

— Убедительно, — иронизирую я, отхлебывая джин. — Если ты просто...

— Ханна Мейсон.

— Да хватит тебе! Это не...

— Ханна Мейсон, Сейлор!

— Поверить не могу, что ты снова заводишь этот разговор. Прошло уже три года!

— Вот именно, а она *так* и не приехала ни на один матч выпускников.

— Я ни в чем не виновата. Ей приглянулся Трей, а я просто немного им помогла. Все, что произошло дальше, не имеет ко мне никакого отношения.

— Меня пугает именно вот это «немного им помогла», — вздыхает Энн.

Я закатываю глаза. Когда мы были на первом курсе, капитан нашей команды буквально сходила с ума по ланкастерскому квотербеку Трею Джонсону, и я поделилась с ним этой информацией. Как и большинство студенческих интрижек, их роман оказался невероятно пламенным, но в то же время и невероятно скоротечным. Конечно, никакой благодарности за роль свахи в их недолгих отношениях я не получила, но когда Трей решил порвать с Ханной, приударив за мной, то вся вина, естественно, легла на меня.

— Сейлор! — зовет меня Натали, футболистка-первокурсница.

— Что такое, Нат? — спрашиваю я, периферийным зрением продолжая наблюдать за Энн в попытке вычислить, на кого из парней она все-таки смотрела.

— Я слышала, ты прошла на «Шоленберг». Потрясающе! То есть я хочу сказать, мы все, конечно, так и думали, но...

Я отключаюсь от ее восторженного лепета и легонько посмеиваюсь. Мое футбольное мастерство, а также слухи об интрижках с самыми горячими парнями во всем Ланкастере создали мне среди университетских футболисток репутацию некой героини или даже божества, и испортить ее не смогли даже командные тренировки, на которых нам приходилось бегать до тех пор, пока не стошнит. В основном эта слава была мне приятна, однако в некоторые моменты я определенно предпочла бы, чтобы ко мне проявляли поменьше внимания.

— ...ну и в конце концов пригласили.

— Что-что ты сказала? — реагирую я, отлично осознавая, что этот вопрос полностью выдает мое невнимание, ведь я ее совершенно не слушала.

— Меня приняли в «Амнераллон»! — судя по тому, как фыркает Энн, Натали говорит об этом уже не в первый раз.

— Это замечательно, Натали. Поздравляю, — отвечаю я, наконец фокусируясь на ее словах. Конечно, «Амнераллону» до «Шоленберга» далеко, но ведь программ такого уровня больше в принципе нет. К тому же это тоже довольно престижные сборы, приглашение на которые многие спортсмены сочли бы за честь.

— И в конце второй недели у нас планируется визит в Клубберг. Я проверила: ты в это время как раз только начнешь тренировки.

— Вау, очень круто, — говорю я уже эмоциональнее. Пожалуй, атмосфера на «Шоленберге» будет примерно такая же, как во вражеском лагере, поэтому знакомое лицо придется как нельзя кстати.

Натали продолжает восторженно щебетать, поддерживая наш по большей части односторонний диалог. Паузы она делает, лишь чтобы перевести дыхание, когда другие девчонки из команды тоже подходят поздравить меня с участием в шоленбергских сборах.

Я стою у столешницы, наблюдая за людьми и радуясь, что они стекаются ко мне. Обычно в это время я сама «совершаю обход», но сегодня у меня совсем нет сил, по крайней мере эмоционально. Однако мышцы ног по-прежнему требуют пробежки. Вот только, пожалуй, если я приступлю к спринту прямо на кухне, люди меня вряд ли поймут.

К тому же я пьяна.

Обычно я много не пью. В моем понимании к алкоголю стоит прибегать либо ради бесстрашия, либо для того, чтобы о чем-то забыть. С первым проблем у меня никогда не было: нет такого поступка, которого я бы не могла совершить трезвой. А вот со вторым... Именно по этой причине кухня сейчас плывет у меня перед глазами. Когда количество членов моей семьи поменялось в прошлый раз, назвать это поводом для праздника было нельзя. К тому же последние шестнадцать лет моей жизни никак не смягчили мой

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

